

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-390-416
УДК 811.161.1'374:821.161.1

Научная статья

«Обыденная дребедень» бедных героев Достоевского (материалы к «Словарю языка Достоевского: идиоглоссарий»)

Н.Л. Чулкина

Российский университет дружбы народов
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
chulkina-nl@rudn.ru

Аннотация. В статье дается лингвокультурологическое и семиотическое описание лексики, представляющей повседневность бедных героев Ф.М. Достоевского; используется методика построения текстового ассоциативного поля и понятие идиоглоссы. Ассоциативные текстовые поля выстраиваются, с одной стороны, вокруг базовых концептов повседневности — ДОМ / ЖИЛИЩЕ; ОДЕЖДА; ЕДА; ДЕНЬГИ, ДОЛГИ, ЗАЕМ; БОЛЕЗНЬ, СМЕРТЬ; РАБОТА, ДЕЛО; и идиоглосс БЕДНОСТЬ; СТЫД; СТРАХ; ГОРДОСТЬ, УЩЕМЛЕННОЕ САМОЛЮБИЕ; КРОТОСТЬ — с другой. Эти два «измерения» — фактологическое и прагматическое — позволяют реконструировать из текстов Ф.М. Достоевского концептосферу бедных персонажей, обнаружить те специфические идиосмыслы, которые заключены в исследуемой лексике. В Институте русского языка РАН им. В.В. Виноградова в отделе экспериментальной лексикографии под руководством члена-корреспондента РАН, профессора Ю.Н. Караулова уже много лет ведется работа по созданию «Словаря языка Ф.М. Достоевского». Параллельно издаются сборники статей — «Слово Достоевского», рассматриваемые как своеобразное «расширение» «Словаря языка Достоевского». Авторам сборника следует ориентироваться на общую направленность результатов исследования — решение интерпретационных, герменевтических задач. При этом важна также установка на выявление и описание «значимой» для толкования текстов Достоевского лексики, и прежде всего идиоглосс, т.е. таких лексических единиц, которые являются важными для понимания, для расшифровки и толкования смысла его произведений, для характеристики его авторского стиля (идиостиля), для воссоздания его картины мира, его общечеловеческих и национальных идеалов. Данная статья отражает концепцию «Словаря языка Ф.М. Достоевского»; автор надеется, что подобное описание может стать дополнительным материалом при создании соответствующих статей «Словаря языка Ф.М. Достоевского: Идиоглоссарий».

Ключевые слова: повседневность, базовые концепты повседневности, бедные персонажи Ф. Достоевского, текстовое ассоциативное поле, идиоглосса

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

© Чулкина Н.Л., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Чулкина Н.Л. «Обыденная дребедень» бедных героев Достоевского (материалы «Словарю языка Достоевского: идиоглоссарий») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 390—416. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-390-416

UDK 811.161.1'374:821.161.1

Research article

“Trivial Nonsense” of the Poor Heroes of Dostoevsky (Materials for “Dostoevsky’s Language Dictionary: Idioglossary”)

Nina L. Chulkina

Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
chulkina-nl@rudn.ru

Abstract. The paper represents lingvo-cultural and semiotic description of the vocabulary, which introduces the everyday life of the poor characters of the F. Dostoevsky’s novels. In this case the procedure of the construction of text associative fields and the concept of idiogloss are used. Associative text fields are built, from one side, around the base concepts of daily activity — HOUSE/DWELLING; CLOTHING; FOOD; MONEY, DEBTS, LOAN; DISEASE, DEATH; WORK, BUSINESS; and idioglosses POVERTY; SHAME; FEAR; PRIDE, THE PINCHED PRIDE; GENTLENESS — on the other hand. These two “measurements” — semantic and pragmatic — make it possible to reconstruct on the texts of Dostoevsky the everyday world of poor characters, to reveal those specific idiosenses, which are concluded in the lexical items being investigated. Besides, the author hopes that such description can become additional material for the creation of the corresponding articles of the «Dostoevsky’s Language Dictionary», which is making now in the V.V. Vinogradov Russian Language University (Russian Science Academy). At the V.V. Vinogradov Russian Language University University of *Russian Science Academy* in the sector of experimental lexicography under the guidance of Corresponding Member of the Russian Science Academy, Professor Y.N. Karaulov, work on creation of the “F.M. Dostoevsky’s Language Dictionary” has been conducted for many years. At the same time, collections of articles are published — “The Word of Dostoevsky”, viewed as a kind of “extension” of “Dostoevsky’s Language Dictionary”. The authors of the collection should implement the overall thrust of the research results as a guide — the solution of interpretational, hermeneutic tasks. Meanwhile it is also important to identify and describe the vocabulary that is “significant” for interpretation of Dostoevsky’s texts and idioglosses in particular, i.e. such lexical units *that are important for understanding, for deciphering and interpreting of the meaning of his literary works, for characterizing his author’s style (idiostyle), for recreating his picture of the world, his universal and national ideals.*

Keywords: everyday life, F. Dostoevsky’s characters, vocabulary, text associative field, idiogloss

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

For citation:

Culkina, N.L. (2021). “Trivial Nonsense” of the Poor Heroes of Dostoevsky (Materials for “Dostoevsky’s Language Dictionary: Idioglossary”). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 390—416. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-390-416

Введение

Мир бедных героев Достоевского — одно из величайших открытий писателя — представляет и существенный фрагмент его картины мира. Поэтому обращение к реконструкции, лингвокультурологическому исследованию и описанию быта, повседневного существования этой категории персонажей художественных текстов Достоевского позволяет, как нам кажется, внести свой вклад в решение общей задачи составителей «Словаря языка Достоевского» [1].

В «Беседах о русской культуре» Ю.М. Лотмана есть фрагмент, в котором содержатся рассуждения о близости таких, казалось бы, взаимоисключающих понятий, как *быт* и *культура*. В качестве иллюстрации автор приводит такой пример: *«Макар Деушкин в „Бедных людях“ Достоевского изобретает особую походку, чтобы не были видны его дырявые подошвы. Дырявая подошва — реальный предмет; как вещь она может причинить хозяину сапог неприятности: промоченные ноги, простуду. Но для постороннего наблюдателя порванная подметка — это знак, содержанием которого является Бедность, а Бедность — один из определяющих символов петербургской культуры. И герой Достоевского принимает «взгляд культуры»: он страдает не оттого, что ему холодно, а оттого, что ему стыдно. Стыд же — один из наиболее мощных психологических рычагов культуры. Итак, быт, в символическом его ключе, есть часть культуры»* (выделено мной — Н.Ч.) [2. С. 10—11].

Именно этот вывод Ю.М. Лотмана и стал определяющим при попытке исследовать и описать в семиотическом и лингвокультурологическом аспекте повседневную жизнь бедных героев Достоевского. При этом была использована ранее разработанная методика — в качестве основных единиц описания принимать концепты, совокупность которых составляет концептосферу повседневности [3]. Однако если раньше для реконструкции мира современной русской повседневности использовались материалы «Русского ассоциативного словаря» [4] — коррелята обыденного языкового сознания *среднего русского* (нашего современника), то здесь делается попытка воссоздания концептосферы обыденного существования бедных героев Достоевского на базе художественных текстов писателя. То есть проделывается в некотором роде «обратная» процедура — построение текстовых ассоциативных полей и ассоциативных рядов на основе базовых концептов повседневности (ДОМ / ЖИЛИЩЕ); ОДЕЖДА; ЕДА; ДЕНЬГИ, ДОЛГИ, ЗАЕМ; БОЛЕЗНЬ, СМЕРТЬ; РАБОТА, ДЕЛО), как бы «пропущенных сквозь» тесно связанные между

собой идиограммы — БЕДНОСТЬ; СТЫД; СТРАХ; ГОРДОСТЬ, УЩЕМЛЕННОЕ САМОЛЮБИЕ; КРОТОСТЬ.

Итак, ключевыми для нас являются понятия *повседневность*, (*обыденность*, *быт*) и *бедность*; материалом исследования — тексты Ф.М. Достоевского («Бедные люди», «Преступление и наказание»).

Характерно сниженное, пренебрежительное отношение бедных персонажей к своей повседневной жизни. Так, о Раскольникове, как бы читая его мысли, автор говорит, что он не желает слушать *всякий вздор про всю эту обыденную дребедень, до которой ему нет никакого дела...* [6. С. 7]. Мармеладов прерывает рассказ о своей жизни замечанием: *... я только беспокою вас глупостями всех этих мизерных подробностей домашней жизни моей...* [6. С. 19]. Оценивая повесть Н.В. Гоголя «Шинель», Макар Деушкин определяет ее как *пустой какой-то пример из повседневного, подлого быта* [5. С. 7].

Обратимся теперь к конкретным концептам, составляющим концептосферу обыденности избранных нами персонажей художественных произведений Достоевского.

Один их важнейших концептов повседневности — ДОМ / ЖИЛИЩЕ. Каково же смысловое наполнение этого концепта в мире бедных героев Достоевского? Ответ на этот вопрос можно найти уже в именовании данного понятия. Так, Макар Деушкин, описывая свое жилище, называет его *трущобой, конурой, номером свехитатным*. Квартира Родиона Раскольникова — это *каморка*, которая *приходилась под самую кровлей и более походила на шкаф, чем на квартиру*. В другом месте романа Раскольников так видит свою квартиру: *Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид со своими желтенькими, пыльными и всюду отставшими от стены обоями, и до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко* [6. С. 22]. Мать Раскольникова называет его квартиру *дурной*, похожей на *гроб* [6. С. 7, 147]. Комната Сони Мармеладовой *походила как будто на сарай, имела вид весьма неправильного четырехугольника, и это придавало ей что-то уродливое* ([6. С. 200].

Таким образом, ряд именовании жилища: *конура* — *трущоба* — *номер свехитатный* — *каморка* — *клетушка* — *сарай* — *шкаф* — *гроб* включает в себя существительные, семантика которых содержит негативную коннотацию. Именование *номер свехитатный* — контекстный синоним слова *комната* — также экспрессивно заряженная лексическая единица, в которой выражено горько-ироническое отношение героя к своему жилищу — отгороженному углу при общей кухне.

В описании жилища наиболее частотными ассоциатами являются и такие слова, как *коридор*, *лестница* и *стены*. В доме, где квартирует Макар Деушкин, *коридор длинный, совершенно темный и нечистый* [5. С. 8]; *черная лестница винтовая, сырая, грязная, ступеньки поломаны, а стены такие жирные, что рука прилипает, когда на них опираешься* [5. С. 13]. Мармеладовы живут в доме, где *лестница чем дальше, тем темнее... наверху*

лестницы **очень темно**; несло **воню** и поднимались волны табачного дыма [6. С. 21].

Вообще **грязь, сор и беспорядок** — неперенные атрибуты бедных жилищ. Так, Макар Девушкин, о своей квартире, где он занимает уголок в кухне, говорит: *Порядку не спрашивайте — Ноев ковчег!*» [5. С. 8]; там же, на лестнице, на каждой площадке ... лоханки стоят со всякою **нечистью, с грязью, с сором, с яичною скорлупою да с рыбьими пузырями** [5. С. 13]. В комнате Мармеладовых все было разбросано в **беспорядке** [6. С. 20]. О комнате Раскольниковва читаем: *Трудно было более опуститься и обнеряшиться* [6. С. 23].

Обстановка, мебель бедняков также имеют свои «приметы». Минимум мебели в комнате Макара Девушкина: *кровать, стол, комод, стульев парочка* [5. С. 9]. В комнате Раскольниковва *мебель соответствовала помещению: было три старых стула, не совсем исправных, крашеный стол в углу, <...> неуклюжая большая софа, занимавшая чуть не всю стену и половину ширины всей комнаты, когда-то обитая ситцем, но теперь в лохмотьях и служившая постелью Раскольникову... без простыни, с одною маленькою подушкой в головах, под которую подкладывал все, что имел белья, чистого и заношенного, чтобы было повыше изголовье* [6. С. 22—23]. Не лучше и обстановка в комнате Мармеладовых: *Огарок освещал беднейшую комнату шагов в десять длиной. Все было разбросано и в беспорядке. В самой же комнате было всего только два стула и клеенчатый очень ободранный диван, перед которым стоял старый кухонный сосновый стол, некрашеный и ничем не покрытый* [6. С. 20]. Та же картина и у Сони Мармеладовой: *Желтоватые, обшмыганные и истасканные обои почернели по всем углам... Бедность была видимая; даже у кровати не было занавесок* ([6. С. 200].

Как видим, бедность проступает как в самом «наборе» вещей, составляющих обстановку жилья (*стол, стул, кровать, комод*), так и в состоянии этих предметов (*старый, поломанный, не совсем исправный, ободранный, ничем не покрытый, простой, истасканный, обшмыганный* — таков список определений, характеризующих обстановку жилищ бедных героев Достоевского и входящих в соответствующие ассоциативные ряды.

ОДЕЖДА — гипероним, позволяющий выделить особую группу лексических единиц со своим ассоциативным полем. Вспомним, как описывает Достоевский одежду Макара Девушкина, вернее, как сам герой описывает ее: *сквозь одежду голые локти светятся (локти продраны); из сапога голые пальцы торчат (сапоги-то у меня больно худы); пуговики на ниточках болтаются (да и пуговики нет); я одет неприлично!* [5. С. 50—52]. Его бедный сосед Горшков *ходит в таком засаленном, в таком истертом платье, что больно смотреть. Жена его ходит, бедная, в таком жалком отрепье...* [5. С. 34]. Отец бедного студента Покровского — *старичок, запачканный, дурно одетый ... тихонько проходил в комнату, снимал свою шинельку, шляпу, которая вечно у него была измятая, дырявая, с оторванными полями...* [5. С. 20]. Раскольников был *до того худо одет, что иной, даже и*

привычный человек, посовестился бы днем выходить в таких **лохмотьях** на улицу. <...> **Шляпа ... была вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей, и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону** [6. С. 8]. Мармеладов одет был в **старый, совершенно оборванный черный фрак, с осыпавшимися пуговицами**. Из-под нанкового жилета торчала **манишка, вся скомканная, запачканная и залитая...** Он подтирал иногда обеими руками голову, положе **продранные локти** на залитый и липкий стол. У его жены, Катерины Ивановны, **платьев нет никаких**. Таким образом, и концепт **одежда** является аттрактом ассоциатов, образующих вокруг него специфические лексические ряды: *одет неприлично; худо одет; локти светятся (продраны); сапоги худы;* прилагательные, характеризующие одежду бедных персонажей — *старый, засаленный, дырявый, изношенный, запачканный, продранный, в пятнах, с осыпавшимися пуговицами;* часто встречающееся существительное **лохмотья**.

Другой гипероним — ЕДА, ПИЩА — также обладает способностью объединять лексику, особым образом характеризующую быт бедных героев Достоевского. Собственно, самым частотным является как раз указание на ее отсутствие: Макар Девушкин **чай пивал не всегда**; Раскольников **второй день как уже почти совсем ничего не ел** [6. С. 8]; **квартирная хозяйка его две недели как уже перестала ему отпускать кушанье...** он сидел **без обеда** [6. С. 23]; в семье Мармеладова всегда **ребятишки голодные** [6. С. 16]. А если и есть еда, то необычайно скудная: **каша без масла; простой кусок хлеба**, подчас даже **черствый; чай спитой** [5. С. 32].

Понятно, что у бедных сложные отношения с ДЕНЬГАМИ. И наиболее частотны у Достоевского контексты, в которых встречаются ассоциаты **долги, заем денег**.

Макар Девушкин пишет Вареньке Добросёловой: *Не скрою от вас, что убивают меня долги мои...* [6. С. 47]; *Беда не занять! Хозяйка меня чуть с квартиры не гонит и обедать мне давать не соглашается* [6. С. 52]; **недостатки страшнейшие, долги** [6. С. 54]. Рассказывая историю своей жизни, Варенька Добросёлова сообщает, что у ее отца *дела не удавались, долгов было пропасть; только что скончался батюшка, кредиторы явились к нам как из земли, нахлынули гурьбою. Все, что у нас ни было, мы отдали* [6. С. 18]. Раскольников был **должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться** [6. С. 7]. Мармеладов задает вопрос Раскольникову: *...случалось вам... ну хоть испрашивать денег займы безнадежно?* [6. С. 14]. Дуня Раскольниковы, *вступив в дом гувернанткой, взяла вперед целых сто рублей, под условием ежемесячного вычета из жалованья, и, стало быть, и нельзя было место оставить, не расплатившись с долгом* [6. С. 25].

Таким образом, выстраивается ряд ассоциатов, связанных с названными реалиями: **деньги — долги — должен — занять (испрашивать денег займы) расплатиться с долгом — кредиторы — жалованье**.

Есть у бедности и свои ЗАПАХИ: **немного гнилой, остро-ослащенный**, от которого даже **чижики так и мрут ... не живут в нашем воздухе да и**

только [5. С. 13]; *нестерпимая вонь из распивочных*, преследующая Раскольникова; в самой распивочной *дурно пахло* от еды и *все было ... пропитано винным запахом*. С лестницы в доме Мармеладовых тоже *несло вонью* [6. С. 21].

Естественно, что подобные условия жизни порождают БОЛЕЗНИ и приводят к СМЕРТИ в раннем возрасте. Описание этих эпизодов у Достоевского отличается особенной пронзительностью. Письма Вареньки Добросёловой пестрят признаниями в собственном нездоровье или болезнях близких: *Я сегодня чувствую себя очень нездорово. Во мне жар и озноб попеременно.* <...> *...ужасно нездоровится.* <...> *Я сегодня опять больна; вчера промочила ноги и оттого простудилась; Федора тоже чем-то больна, так что мы обе теперь хворые.* О болезнях и смерти своих родителей Варенька пишет: *Мне было только четырнадцать лет, когда умер батюшка. Заботы, огорчения, неудачи измучили бедного батюшку до крайности: он стал недоверчив, желчен; начал пренебрегать своим здоровьем, простудился и вдруг заболел, страдал недолго и скончался так внезапно, так скоропостижно, что мы все несколько дней были вне себя от удара* [5. С. 18].

А как можно было мучить бедную матушку? Глядя на нее сердце разрывалось, бывало: щеки ее ввалились, глаза ввали, в лице был чахоточный цвет. <...> *Матушка страдала изнурительною болезнью.* <...> *Несколько дней спустя матушка вдруг сделалась опасно больна. Она уже два дня не вставала с постели и на третью ночь была в жару и бреду* [5. С. 24]. Тяжелые воспоминания связаны у Вареньки и с болезнью и смертью ее друга студента Покровского. Здесь тот же ряд слов: *чахоточный, слег в постель, с которой не вставал уже более; он редко был в памяти; часто был в бреду; он был почти все время в беспамятстве.* Описание смерти и похорон молодого человека включает ряд слов и словосочетаний, которые часто встречаются в исследуемых текстах Достоевского при описании аналогичных ситуаций: *в последнюю ночь он был как иступленный; он умер в глубокую осень, в конце октября; день был печальный и грустный, как угасающая бедная жизнь умирающего; [небо] было такое дождливое, хмурое, грустное; умирающий взглянул на меня грустно-грустно и покачал головою. Через минуту он умер; купили гроб простой-простой* [5. С. 30]. Приблизительно тот же набор ассоциатов слова *смерть* и в описании Макаром Деушкиным смерти ребенка семьи Горшковых — его соседей по квартире: *Сегодня, в пятом часу утра, умер у Горшкова маленький.* <...> *У них уж и гробик стоит — простенький, но довольно хорошенький гробик; готовый купили* [5. С. 34]. Описание болезни Родиона Раскольникова также включает ряд лексических единиц, всегда сопровождающих подобные эпизоды у Достоевского: *Он, однако ж, не то чтоб уж был совсем в беспамятстве во все время болезни: это было лихорадочное состояние, с бредом и полусознанием* [6. С. 77].

Итак, текстовое ассоциативное поле слова *болезнь*: *нездоровится, нездорова, чем-то больна, всегда больная, хворая, простудилась и заболела,*

изнурительная, опасная, чахоточный, беспмятство, полусознание, бред, жар, озноб, лихорадочное состояние.

Со **смертью** ассоциативно связаны слова: *умер, скончался, угасающая бедная жизнь умирающего; похороны; отпевание; гроб простой-простой, гробик простенький.*

СЕМЬЯ также один из базовых концептов повседневности. В описании мира семьи Достоевский достигает невероятного, предельного психологического накала, обнажения чувств, противоречий и конфликтов. Именно в семейных отношениях персонажи его произведений проявляют себя наиболее ярко. Семейные драмы, разумеется, разыгрываются и в домах богатых людей. Однако для бедных героев Достоевского семья — это и единственное пристанище, и связь любящих друг друга родных людей, и тяжелая ноша одновременно. Так, читатель «Преступления и наказания» становится свидетелем повседневной жизни двух бедных семей: Раскольников и Мармеладовых. О жизни матери и сестры Раскольникова, об отношениях их друг к другу и к нему становится известно, когда Родион получает письмо матери. В этом письме и в реакции на него Раскольникова можно выделить два ряда ассоциатов: первое ассоциативное поле объединяется словом-идиоглоссой ЛЮБОВЬ; для второго ключевыми словами можно считать БЕДНОСТЬ, СТРАДАНИЕ и ОТЧАЯНИЕ. Действительно, слова *любовь, люблю, любит, люби* повторяются на двух страницах письма несколько раз, наряду с другими словами этого поля: *обнимаю, целую, с каким счастьем прижму я тебя к своему сердцу; Дуня велела тебя обнять крепче и переслать тебе бесчисленно поцелуев* [б. С. 24—30]. Однако особенностью контекстного употребления идиоглоссы ЛЮБОВЬ и сопряженных с ней ассоциатов является «болезненность» этого чувства. Это не любовь-радость или любовь-счастье, а любовь-боль. Так, получив письмо от матери, Родион Раскольников *даже побледнел, принимая его.* <...> *И еще что-то другое вдруг сжало ему сердце; Письмо дрожало в руках его; ему хотелось остаться наедине с этим письмом.* <...> *он быстро поднес его к губам и поцеловал; потом долго еще вглядывался в почерк адреса, в знакомый и милый ему мелкий и косенький почерк его матери* [б. С. 24]. *Почти все время как читал Раскольников, с самого начала письма, лицо его было мокро от слез; но когда он кончил, оно было бледно, искривлено судорогой, и тяжелая, желчная, злая улыбка змеилась по его губам. ... Сильно билось его сердце, и сильно волновались его мысли.* <...> *Письмо матери его измучило»* [б. С. 30]. Сознание собственной беспомощности и неспособности помочь матери и сестре, уберечь сестру от унижительного брака с Лужиным доводит Раскольникова до полного отчаяния: *Да в десять-то лет мать успеет ослепнуть от козынок, а, пожалуй, что и от слез; от поста исчахнет; а сестра? Ну, придумай-ка, что может быть с сестрой через десять лет али в эти десять лет? Догадался?*

Так мучил он себя и поддразнивал этими вопросами, даже с каким-то наслаждением. Впрочем, все эти вопросы были не новые, не внезапные, а

старые, наболевшие, давнишние. Давно уж как они начали его терзать и истерзали ему сердце [б. С. 33]. Жертвенная любовь сестры и матери прочитывается в каждой строчке письма. Здесь, с одной стороны, такие обращения, как *милый мой Родя, милый друг мой, бесценный мой Родя, ты знаешь, как я люблю тебя; ты один у нас, у меня и у Дуни, ты наше все, вся надежда, упование наше*, а с другой — «правдивый», но тяжелый, ранящий душу Родиона Раскольников рассказ о злключениях и страданиях близких ему людей и о том решении, которое приняли мать и сестра, желающие спасти своего «милого Родю». Узнав о том, что Дуня собирается выйти замуж за человека, которого она не только не любит, но и не уважает, Раскольников едва не теряет рассудок. *Да что вы в самом деле обо мне-то подумали? Не хочу я вашей жертвы, Дунечка, не хочу, мамаша! Не бывать тому, пока я жив, не бывать, не бывать! Не принимаю!* — выкрикивает он, шагая по улице.

Как уже было сказано выше, второе ассоциативное поле, которое может быть реконструировано на базе письма матери Раскольникова, образуется вокруг понятий БЕДНОСТЬ, СТРАДАНИЕ, ОТЧАЯНИЕ. В самом деле, повествование о повседневных заботах и тяготах жизни сопровождается в письме Пульхерии Раскольниковой сыну такими словами, как: *сама страдала, была в отчаянии; Дунечке было очень тяжело; можешь представить себе все ее страдания; я сама была в отчаянии; в душе такое горе; как гнусно с его стороны мучить и делать несчастною и без того уже несчастною и беззащитную девушку; ты очень был бы несчастлив* [б. С. 24—26]. Такое тяжелое состояние вызвано бедностью, зависимостью от чужих людей и невозможностью помочь сыну.

Те же чувства испытывают все члены семьи Мармеладовых. Сам Мармеладов, рассказывая свою историю жизни Раскольникову, под конец *хотел было улыбнуться, но вдруг подбородок его запрыгал. Этот кабак, развращенный вид его, пять ночей на сенных бараках и штоф, а вместе с тем эта болезненная любовь к жене и семье сбивали его слушателя с толку* [б. С. 18]. Сонечка Мармеладова — тоже *жертва тяжелых обстоятельств*. Она продает себя, чтобы спасти семью от голода и нищеты. Кстати, именно в рассказе о семье Мармеладовых Достоевский употребляет это слово — *нищета*. А Мармеладов в своем известном монологе разводит два понятия — «бедность» и «нищета», разрушая в сознании читателя привычное представление об их синонимичности: *Бедность не порок. Но нищета, милостивый государь, нищета — порок-с* [б. С. 13]. Катерина Ивановна — жена Мармеладова — персонаж, в котором страдание доведено до предела, до болезни физической и душевной. Нищета и плач вечно голодных детей, пьянство мужа доводят ее до иступления. Но даже в самом отчаянном положении она старается сохранить независимость и видимость прочности семьи. Вспомним, как ведет себя Катерина Ивановна, когда Мармеладов вновь получает работу.

Тяга к семье, к обретению близких людей толкает Макара Деушкина к жертвенности: он залезает в долги ради того, чтобы помочь Вареньке

Доброселовой, которую он полюбил, как дочь. И чувство присутствия в его жизни этой девушки спасает его от одиночества в этом мире. *Я никогда моих дней не проводил в такой радости. Ну, точно домком и семейством меня благословил Господь! Дочка вы моя, хорошенькая! <...> живу вдвойне, потому что и вы тоже живете весьма близко от меня и на утеху мне* [5. С. 34]. Привязанность Вареньки к Макару Девушкину также очевидна, но чаще она носит болезненный характер из-за чувства неловкости оттого, что она не может по состоянию здоровья много работать и тем самым быть полезной в их дружбе. *Разве я не вижу, что вы на меня разоряетесь, последнюю копейку ребром ставите да на меня ее тратите. <...> Пишете вы, что последнее продадите, а меня в нужде не оставите. Верю, друг мой, я верю в ваше доброе сердце... Вы знаете — я больная всегда; я не могу так же, как и вы, работать. Я только привязана к вам всею душою, люблю вас крепко, сильно, всем сердцем, но — горькая судьба моя! — я умею любить и могу любить, но только, а не творить добро, не платить вам за ваши благодеяния* [5. С. 40—41].

Таким образом, концепт СЕМЬЯ в рассматриваемых текстах Достоевского ассоциативно связан с идиоглоссами *любовь, привязанность и страдание и отчаяние*, вызванные *бедностью* героев.

Кроме семьи, РАБОТА, ДЕЛО для бедных героев Достоевского — тот спасательный круг, который позволяет им держаться на плаву, не скатываться в пропасть отчаяния, сохранять человеческое достоинство. Особенно ярко это проявляется в отношении к службе Макара Девушкина: *Состою я уже около тридцати лет на службе; служу безукоризненно, поведения трезвого, в беспорядках никогда не замечен. <...> Уважаем начальством* [5. С. 44]. Всякий раз радуется появлению работы Варенька Добросёлова: *Федора достала себе и мне кучу работы, и мы привесело принялись за дело; может быть, и все поправим* [5. С. 50]. Товарищ Раскольников по университету Разумихин *был очень беден и решительно сам, один, содержал себя, добывая кой-какими работами деньги, Он знал бездну источников, где мог почерпнуть, разумеется, заработком* [5. С. 37—38]. Напротив, отсутствие работы, дела выбивает почву из-под ног бедных людей, приводит к депрессии, болезням и даже к смерти.

Обратимся теперь ко второму, прагматическому измерению концептосферы повседневности бедных героев Достоевского, о котором упоминалось в начале статьи. А именно о том, что концепт-идиоглосса БЕДНОСТЬ «сопряжен» в текстах Достоевского с идиоглоссами СТЫД; СТРАХ; ГОРДОСТЬ, УЩЕМЛЕННОЕ САМОЛЮБИЕ И КРОТОСТЬ.

Следует отметить, что слова *бедность, бедный* уже получили подробное описание в первом томе «Словаря языка Достоевского», который назван авторами «Идиоглоссарий». В соответствующих словарных статьях отмечена и частотность данных идиоглосс в художественных текстах писателя. Так, идиоглосса *бедный* встречается в художественных произведениях

Достоевского 397 раз, а существительное **бедность** — 76 раз. В рассматриваемых нами текстах идиоглосса **бедность** «собирает» вокруг себя две группы ассоциатов. Во-первых, это однокоренные слова, называющие это социальное состояние героев: *бедный, бедные, бедняк, бедность, бедно*.

Во-вторых, это словосочетания со значением ‘носитель признака ‘бедность’’: *бедный студент, бедные люди, бедные родственники, бедный старик, бедный молодой человек*. Некоторые из этих словосочетаний стали устойчивыми (*бедный студент, бедные родственники*).

Однако наибольший интерес вызывают именно названные выше пары идиоглосс. Рассмотрим их поочередно.

БЕДНОСТЬ — СТЫД. Эта пара концептов-идиоглосс, как уже отмечалось, является знаковой. Стыдятся бедности и ее материальных проявлений все задавленные этим положением герои рассматриваемых нами произведений Достоевского. Так, Макар Деушкин замечает, что *чаю не пить как-то стыдно* [5. С. 9]; *В присутствии-то я сегодня сидел таким медвежонком, таким воробьем оципантым, что чуть сам за себя со стыда не сгорел. Стыдненько мне было, Варенька! Да уж натурально робеешь, когда сквозь одежду голые локти светятся, да пуговицы на ниточках мотаются, — признается он своей подопечной* [5. С. 50]; Мечтая получить денег взаймы у некоего Петра Петровича, Макар Деушкин пишет своей Вареньке: *жутко даже на месте сидеть... Да и его-то превосходительство мимо нашего стола иногда проходят; ну, сохрани боже, бросят взор на меня да приметят, что я одет неприлично! А у них главное — чистота и опрятность. Они-то, пожалуйста, и ничего не скажут, да я-то от стыда умру». Жить, Варенька, совестью!* <...> *Стыдно мне, совсем застыдился* [5. С. 51], — пишет Макар Деушкин своей подопечной.

Слова-ассоциаты концепта-идиоглоссы **стыд** составляют несколько групп:

В первую группу входят однокоренные слова: *стыд, стыдиться, застыдиться, стыдненько*.

Вторая группа — это лексические единицы, являющиеся синонимами или квазисинонимами слов первой группы: *срам, срамно, совестно, смутиться, смешаться, застенчива, робкий*.

Третья группа — слова, описывающие внешние проявления чувства стыда: */по/краснеть, сидел таким междвежонком, таким воробьем оципантым*.

Можно предположить, что подобные ассоциативные поля характерны вообще для любых текстов. Особенность же «поведения» рассматриваемой идиоглоссы в произведениях Достоевского о бедных людях состоит в том, что чувство стыда они испытывают именно из-за своей бедности. Множество контекстов употребления этого концепта доказывают это положение.

БЕДНОСТЬ—СТРАХ. Своеобразное продолжение и расширение концепта **стыд** — концепт-идиоглосса **страх**, который также образует

ассоциативное поле, включающее разнообразные лексические единицы. Однако контекстная особенность данной идиоглоссы у Достоевского — это то, что страх, который испытывают герои, не является страхом перед физической силой, это чувство опять же «моральное»: страх осуждения, насмешки со стороны других. Ибо другие (начальство, квартирная хозяйка, бывшие друзья, да и просто случайные прохожие на улице) — всегда потенциальные или реальные обидчики (ведь обидеть бедного человека так легко!). Вспомним уже приведенную в качестве примера фразу из «Преступления и наказания»: Раскольников *был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться* [6. С. 7]. Буквально «закован в страх» Макар Деушкин. И он боится, что *другие* («его превосходительство», некий воображаемый «господин, который идет к ресторану») заметят и осудят его бедность: *...мне без пуговок быть нельзя; а у меня чуть ли не половина борта обсыпалась! Я трепещу, когда подумаю, что его превосходительство могут такой беспорядок заметить да скажут — да что скажут! Я, маточка, и не услышу, что скажут; ибо умру, на месте умру, так-таки возьму и умру от стыда, от мысли одной!* [5. С. 53—54]. А после прочтения гоголевской «Шинели» к этому списку «других» прибавляются еще и писатели: *«Прячешься иногда, прячешься, скрываешься в том, чего не взял, боишься нос подчас показать — куда бы там ни было, потому что пересуда трепещешь, потому что из всего, что ни есть на свете, из всего тебе насквиль сработают, Да тут и на улицу нельзя показаться будет* [5. С. 45]; Рассказывая горестную историю о том, как он ходил к Петру Петровичу просить денег взаймы, Макар Деушкин пишет: *... я, скрепившись и спрятав свой стыд в дырявый карман, направился к Петру Петровичу и надежды-то полон и ни жив ни мертв от ожидания — все вместе* [5. С. 53].

В эпизоде, где Макар Деушкин рассказывает Вареньке о том, как пропустил при переписывании бумаги целую строчку и как предстал за это перед его превосходительством, три концепта-идиоглоссы — *бедность, стыд и страх* — тесно переплетаются, передавая глубину переживаний героя. *Задрожало у меня сердце в груди*, и уж сам не знаю, чего я *испугался*; только знаю то, что я так *испугался*, как никогда еще в жизни со мной не было. *Я прирос к стулу*. <...> *Я помертвел, оледенел, чувств лишился*, иду — ну, да уж просто *ни жив ни мертв* отправился. <...> кажется, не поклонился, позабыл. *Оторопел* так, что и *губы трясутся и ноги трясутся*. <...> *Я горел, я в адском огне горел! Я умирал! <...> Я вздрогнул, вся душа моя потряслась* [5. С. 67—68].

Таким образом, пара идиоглосс **БЕДНОСТЬ—СТРАХ** объединяет вокруг себя целый ряд ассоциатов, представляющих собой синонимы и контекстные синонимы, выраженные как самостоятельными словами (*боялся, трепещу, скрываюсь, прячешься, робеешь, испугался, оторопел, вздрогнул, приник, присмирел, помертвел, оледенел*), так и устойчивыми оборотами (*вхожу бочком-бочком; боишься нос показать; на улицу нельзя показаться*

будет; ни жив ни мертв, ежом сижу, уши прижал; к стулу прирос; в адском огне горел; чувств лишился; вся душа моя потряслась).

Особенностью мира бедных героев Достоевского является то, что постоянное унижительное положение порождает в них несколько преувеличенную и даже болезненную *гордость*, обнаруживает *ущемленное самолюбие*. И в текстах двух анализируемых произведений эта пара идиоглосс — **БЕДНОСТЬ—ГОРДОСТЬ, УЩЕМЛЕННОЕ САМОЛЮБИЕ** — также несет колоссальную смысловую нагрузку и образует свое мощное текстовое ассоциативное поле. Так, в «Бедных людях» Макара Девушкин заявляет: *Я никому не в тягость! У меня кусок хлеба есть свой; правда, простой кусок хлеба, подчас даже черствый; но он есть, трудами добытый, законно и безукоризненно употребляемый. Ну что ж делать! Я ведь и сам знаю, что я немного делаю тем, что переписываю; да все-таки я этим горжусь! Я работаю, я пот проливаю. Я сознаю теперь, что я нужен, я необходим и что нечего вздором человека с толку сбивать. Ну, пожалуй, пусть крыса, коли сходство нашли! Да крыса-то эта нужна, да крыса-то пользу приносит, да за крысу-то эту держатся, да крысе-то этой награждение выходит, — вот она крыса какая!* [5. С. 32—33]. В другом письме Вареньке читаем: *Состою я уже около тридцати лет на службе; служу безукоризненно, поведения трезвого, в беспорядках никогда не замечен. Как гражданин, считаю себя, собственным сознанием моим, как имеющего свои недостатки, но вместе с тем и добродетели. Уважаем начальством, и сами его превосходительство мною довольны* [5. С. 44]; Такая «самохарактеристика» нужна Макару Девушкину, чтобы оправдаться прежде всего перед самим собой, поддержать в себе чувство собственного достоинства. Как он сам пишет об этом в другом письме: *Ведь для людей и в шинели ходишь, да и сапоги, пожалуй, для них же носишь. Сапоги в таком случае <...> нужны мне для поддержки чести и доброго имени; в дырявых же сапогах и то и другое пропало* [5. С. 52].

О Раскольникове Достоевский пишет: *Раскольников, быв в университете, почти не имел товарищей; был он очень беден и как-то надменно горд и необщителен* [6. С. 37].

Особенно остро болезненность гордости и ущемленного самолюбия проявляются у Катерины Ивановны Мармеладовой. Сам Мармеладов о ней говорит: *...дама горячая, гордая, непреклонная. Пол сама моет и на черном хлебе сидит, а неуважения к себе не допустит* [6. С. 15]. Наивысшая точка «накала» этих чувств обнаруживается во время поминок после похорон Мармеладова. Как бы рассуждая и пытаясь объяснить читателю, зачем были затеяны сами эти «бестолковые поминки», Достоевский пишет: *Может быть, тут всего более имела влияние та особенная гордость бедных, вследствие которой, при некоторых общественных обрядах, обязательных в нашем быту для всех и каждого, многие бедняки таращатся из последних сил и тратят последние сбереженные копейки, чтобы только быть «не хуже других» и чтобы «не осудили» их как-нибудь те другие. Весьма вероятно и то, что*

Катерине Ивановне захотелось, именно при этом случае, именно в ту минуту, когда она, казалось бы, всеми на свете оставлена, показать всем этим «ничтожным и скверным жильцам», что она не только «умеет жить и умеет принять», но что совсем даже не для такой доли и была воспитана, а воспитана была в благородном, можно даже сказать, в аристократическом полковничьем доме. Эти пароксизмы гордости и тщеславия посещают иногда самых бедных и забытых людей и, по временам, обращаются у них в раздражительную, неудержимую потребность. А Катерина Ивановна была сверх того и не из забытых; ее можно было совсем убить обстоятельствами, но забыть ее нравственно, то есть запугать и подчинить себе ее волю, нельзя было [6. С. 239]. Таково объяснение Достоевского. И, действительно, каждая реплика героини выдает оскорбленное самолюбие, желание утвердить собственное достоинство. Слова *благородная дама, аристократическая семья, аристократический дом, полковничья дочь, дворянские дети*, а также *гордость, достоинство, благородство*, многократно повторяемые Катериной Ивановной, и та реальность, в которой они звучат, обнажают и доводят до пафоса трагедию героини и ее семьи.

Однако гордость и ущемленное самолюбие иногда сочетаются у бедных героев Достоевского с КРОТОСТЬЮ, порой доходящей до самоуничужения. Итак, последняя пара концептов-идиоглосс, которая была рассмотрена в рамках избранной темы, — это **БЕДНОСТЬ—КРОТОСТЬ**. Самыми яркими «кроткими» персонажами двух романов являются Макар Девушкин и Соня Мармеладова. Герой «Бедных людей» говорит о себе: *...жил таким глухарем, смирно, тихо; я не ропщу и доволен; я неприхотлив» [5. С. 8—9].* И в другом письме читаем: *«Я смиренный человек, потому что я маленький человек» [5. С. 32].* Прочитав «Шинель» Гоголя, Макар Девушкин возмущено пишет своей подопечной: *Как! Так после этого и жить себе смирно нельзя, в уголочке своем, жить водой не замуля, по пословице, никого не трогая, зная страх Божий для себя самого, чтобы и тебя не затронули... [5. С. 44].* И далее: *«Всякое состояние определено Всевышним на долю человеческую. Тому определено быть в генеральских эполетах, этому служить титулярным советником; такому-то повелевать, а такому-то безропотно и в страхе повиноваться [5. С. 43—44]. Я всегда делал так, как будто бы меня и на свете не было [5. С. 67].*

Описывая Раскольникову свою дочь Соню, Мармеладов говорит: *безответная* она, и *голосок* у нее такой *кроткий*... [6. С. 16]. Соня отдала последние деньги отцу на похмелье и *ничего не сказала, только молча на меня посмотрела*... *Так не на земле, а там... о людях тоскуют, плачут, а не укоряют, не укоряют!* [6. С. 19]. Умирая, Мармеладов вдруг узнал ее, *приниженную, убитую, расфранченную и стыдящуюся, смиренно ожидающую своей очереди проститься с умирающим отцом* [6. С. 120]. И, конечно же, памятные слова Раскольникова: *Бедные, кроткие, с глазами кроткими... Милые! Зачем они не плачут? Зачем они не стонут? Они все отдают... глядят кротко и тихо... Соня, Соня! Тихая Соня!* [6. С. 175].

Проведенный анализ двух художественных текстов позволяет выстроить концептосферу повседневной жизни бедных героев Достоевского, включив в нее как концепты, отражающие их обыденный мир, так сказать, в фактологическом ключе (ДОМ, СЕМЬЯ, РАБОТА и т.п.), так и в прагматическом аспекте, вскрывающем чувства и переживания бедности, передаваемые идиоглоссами СТЫД, СТРАХ, ГОРДОСТЬ, УЩЕМЛЕННОЕ САМОЛЮБИЕ, КРОТОСТЬ. Эти два измерения, их пересечение имеют знаковый характер, дают читателю объемную картину событий и вызывают «высокий градус» сопереживания «униженным и оскорбленным».

Introduction

This article reflects the concept of “Dostoevsky’s Language Dictionary”.

The world of the poor heroes of Dostoevsky’s novels — one of the greatest discoveries of the writer — also represents a substantial fragment of his picture of the world. That is why the appeal to reconstruction, linguistic cultural research and description of life, daily existence of this category of characters in Dostoevsky’s literary texts allows, as it seems to us, to contribute to the solution of the general task that faces the compilers of “Dostoevsky’s Language Dictionary” [1].

In “Conversations on Russian culture” by Y.M. Lotman there is a fragment that contains the reasoning about the proximity of such seemingly mutually exclusive concepts as *life* and *culture*. As an illustration, the author provides the following example: *“Makar Devushkin in “Poor folk” by Dostoevsky invents a specific gait so nobody can see his soles full of holes. A sole full of holes is a real object; as a thing, it can cause trouble to the owner of the boots: wet feet, a cold. But for an outside observer a ragged sole is a sign which means Poverty, while Poverty is one of the defining symbols of St. Petersburg culture. And Dostoevsky’s hero accepts a “cultural view”: he suffers not because he is cold, but because he is ashamed. Shame is one of the most powerful psychological leverages of culture. Thus, **daily routine in its symbolic light is a part of culture**”* (emphasis added — N.C.) [2. P. 10—11].

In fact, this conclusion of U. M. Lotman played a defining role when attempting to research and describe the daily life of Dostoevsky’s poor characters in the semiotic and linguistic-cultural aspects. At the same time, a previously developed method was applied to accept concepts as the main description units, which combine to make the everyday life sphere of concepts [3]. However, if the materials of the “Russian Associative Dictionary” [4] were previously used to reconstruct the contemporary Russian everyday life world — a correlate of the everyday language consciousness of an average Russian (our contemporary), then here an attempt is made to recreate the daily life conceptual sphere of Dostoevsky’s poor heroes on the basis of the writer’s literary texts. That is, the “reverse” procedure is done in a certain way — the construction of text associative fields and associative series based on the fundamental concepts of everyday life (HOME /

DWELLING); CLOTHING; FOOD; MONEY, DEBTS, LOAN; DISEASE, DEATH; WORK, BUSINESS), as if “passed through” the closely interconnected idioglosses — POVERTY; SHAME; FEAR; PRIDE, THE PINCHED PRIDE; MEEKNESS.

Thus, for us the key concepts are *everyday life* (*everyday occurrences, daily routine*) and *poverty*. While the material for research are F.M. Dostoevsky’s texts (“Poor folk” and “Crime and Punishment”).

A deflated, contemptuous attitude of poor people to their everyday life is characteristic for them. Thus, the author says about Raskolnikov, as if reading his thoughts that he doesn’t want to listen to *all this tosh about this trivial nonsense, which he is not interested in...* [6. P. 7]. Marmeladov interrupts the story of his life with a remark: *...I’m only bothering you with the foolishness of all the trifling details of my home life...* [6. P. 19]. Evaluating the story “The Overcoat” by N.V. Gogol, Makar Devushkon describes it as *just a shallow example of everyday, sordid life* [5. P. 45].

Let us now turn to specific concepts which constitute the everyday life conceptual sphere of our chosen characters of Dostoevsky’s literary works.

One of the most important everyday life concepts is HOME / DWELLING. What is the semantic content of this concept in the world of Dostoevsky’s poor characters? The answer to this question can already be found in the concept’s names. So, Makar Devushkin when describing his apartment calls it *a slum, a shoe box of a room, a supernumerary room*. Rodion Raskolnikov’s apartment is *a tiny room, which was under the roof and looked more like a cupboard than a room*. In another part of the novel Raskolnikov sees his flat like this: *It was a tiny shoe box of a room about six paces in length. It had a most sorry looking appearance with its yellowish, dusty wallpaper peeling off the walls, and with such a low ceiling that a man of more than average height felt scared in it* [6. P. 22]. Raskolnikov’s mother calls his apartment *a horrible room, resembling a coffin* [6. P. 147]. Sonya Marmeladova’s room *resembled a barn, it was a very irregular quadrangle, which gave it a hideous appearance* [6. P. 200].

Thus, a number of home names: *a shoe box of a room — a slum — a supernumerary room — a tiny room- a tiny shoe box of a room — a barn — a cupboard — a coffin* includes nouns, the semantics of which contains a negative connotation. The name “*a supernumerary room*” — a contextual synonym of the word “*room*” — is also an expressively charged lexical unit, which reflects a bitter and ironic attitude of the hero to his home — a separated corner at a common kitchen.

In the home description such words as *corridor, stairs* and *walls* are also the most frequent associates. The house where Makar Devushkin rents a room has *a long corridor, very dark and dirty* [5. P. 8]; *the back stairs are spiral, damp and dirty, while the steps are broken and the walls so greasy that your hand sticks when you lean against them* [5. P. 13]. The Marmeladovs live in the house, where *the higher they went up, the darker the staircase became... it was very dark at the top of the stairs; a stench came from the stairs and waves of tobacco smoke came in* [6. P. 21].

In general **dirt**, **litter** and **disarray** are obligatory attributes of the houses where the poor people live. So, Makar Devushkin says about his flat where he occupies a corner in the kitchen: *Don't even expect any proper system here; the place is a true Noah's Ark!* [5. P. 8]; in the same place, on the stairs *on every landing there are basins filled with dirt, litter, eggshells and fish bladders* [5. P. 13]. In the Marmeladovs' room everything was **in disarray** [6. P. 20]. We read about Raskolnikov's room: *It would have been difficult to become more decayed and slovenly* [6. P. 23].

Furnishings and furniture of the poor people's homes also have their "descriptions". There is minimum furniture in Makar Devushkin's room: *a bed, a table, a bureau, and a couple of chairs* [5. P. 9]. In Raskolnikov's room *the furniture was in harmony with the place: there were three old chairs, rather defective, a painted table in the corner, <.....> a big clumsy sofa, which occupied almost the entire wall and half the width of the room; it used to be upholstered in chintz but was now in rags and served Raskolnikov as a bed...without a sheet, with one small pillow under his head, under which he put all the linen he had, clean and worn out, to elevate the head of the bed* [6. P. 22—23]. In the Marmeladovs' room the furnishing is not much better: *A candle-end lighted a very poor-looking room about ten paces long. Everything was in disarray. There was nothing in the room except two chairs and a sofa covered with an oilcloth full of holes, before which stood an old pine kitchen table, unpainted and uncovered* [6. P. 20]. The same thing is in Sonya Marmeladova's room: *The yellowish, tattered and shabby wallpaper turned black in the corners... The poverty was visible; there were even no curtains by the bed* [6. P. 200].

As one can see, poverty appears both in the "set" of things that make up the home furnishings (*a table, a chair, a bed, a bureau*), and in the condition of these items (*old, broken, rather defective, full of holes, uncovered, simple, shabby, tattered*). This is a list of definitions which characterize the home furnishings of Dostoevsky's poor characters and join the corresponding associative series.

CLOTHING is a hyperonym that allows to distinguish a special group of lexical units with its associative field. Let us remember how Dostoevsky describes Makar Devushkin's clothes, or rather how the hero himself describes it: *my bare elbows are showing through my sleeves (the elbows of my jacket are worn out), my bare toes are showing through my boots (there are many holes in my boots); the buttons on my jacket are hanging by threads (there are no buttons on my jacket); I'm unbecomingly dressed!* [5. P. 50—52]. His poor neighbour Gorskov *walks about in such a grease-smeared and worn-out coat that it hurts to look at him. His wife goes about in such beggarly rags, the poor thing...* (Volume 1, p. 34) [5. P. 34]. The father of a poor student Pokrovsky is a *mud-stained, poorly-dressed little old man... He would slowly enter the room, take off his overcoat and his hat which was always ruffled, full of holes, and with a torn-off brim...* [5. P. 22]. Raskolnikov was so *poorly dressed that another man, even an accustomed one, would have been ashamed to go out in such rags in the middle*

of the day. <...> *A hat ... was completely **battered and rusty, full of holes and stains, without brims, and bent on one side in a most unsightly way** [6. P. 8]. Marmeladov was wearing an **old, completely tattered black dress coat from which all the buttons have fallen off. A crumpled shirt-front, spotted and stained, stuck out from under his nankeen waistcoat... From time to time he held his head with his hands, placing his worn-out elbows on the stained and sticky table.** His wife Katerina Ivanovna **doesn't have any dresses.** Thus, the concept **clothing** is an attractor of the associates which form around it particular lexical series: *unbecomingly dressed; poorly dressed; my bare elbows are showing through my sleeves (the elbows of my jacket are worn out); there are many holes in my boots;* adjectives which characterize the poor characters' clothes — *old, grease-smearred, full of holes, battered, mud-stained, worn out, full of stains, coat from which all the buttons have fallen off;* a frequently used noun *rags*.*

Another hyperonym — **FOOD** — also can unite the vocabulary which characterizes the daily life of Dostoevsky's poor heroes in a specific way. In fact, the most frequent is just an indication of its absence: Makar Devushkin **couldn't drink tea on a regular basis;** Raskolnikov *had spent two days almost without eating* [6. P. 8]; *his landlady stopped sending him in food two weeks ago.... he was left without his lunch* [6. P. 23]; in Marmeladov's family *the children are always hungry* [6. P. 16]. And if there is some food, it is surprisingly frugal: **gruel without butter; a plain piece of bread** sometimes even **stale; weak tea** [5. P. 32].

It is clear that poor people have complicated relationship with **MONEY**. The contexts where there are such associates as **debts, borrowing money** are most frequently used in the novels by Dostoevsky.

Makar Devushkin writes to Varenka Dobroselova: *I will not conceal from you that my **debts are driving me into despair**....* [6. P. 47]. *I'll get in trouble if I don't borrow some money. My landlady is just about to kick me out, and she won't give me any more meals* [6. P. 52]. *I'm terribly in need of money, I have debts* [6. P. 54]. Telling the story of her life, Varenka Dobroselova says that *her father's business affairs were in bad shape, and he was in a great deal of debt; a short while ago my father died, the creditors turned up as if from the ground, they came in a crowd. We had to give them everything we possessed* [6. P. 18]. Raskolnikov was **up to his eyebrows in debt** to his landlady and was afraid of meeting her [6. P. 7]. Marmeladov asks Raskolnikov: *Has it ever happened to you ... well, to ask hopelessly for money?* [6. P. 14]. When Dunia Raskolnikova came into their house as a governess, **she took a whole hundred roubles in advance, on condition of monthly deductions from her salary, and therefore it was impossible to leave the job without paying back the debt** [6. P. 25].

Thus, there is a number of associates connected with the mentioned before realities: *money — debts — he owes — borrow (ask for money) — rid oneself of debt — creditors — salary*.

Poverty even has its own **SMELLS**: **a rotten, savoury-sweet smell**, from which **siskins die.... They can't live in our air** [5. P. 13]; *the overpowering stench from*

the taverns, haunting Raskolnikov; in the tavern the food had a bad smell and everything was permeated with wine odor. A stench came from the stairs at the Marmeladovs' house [6. P. 21].

Naturally such living conditions lead to DISEASES and early DEATH. The description of such episodes in Dostoevsky's novels is particularly acute. The letters of Varenka Dobroselova are full of confessions in her own ill health or illnesses of her family: *I feel very sick today. I've got a fever and the chill in turn. <...> I feel terribly unwell. <.....> I'm sick again today; yesterday I got my feet wet and have caught a cold; Fedora is also ill with something, so both of us are ailing.* Varenka writes about the diseases and death of her parents: *I was only fourteen years old when my father died. All these worries, frustrations and failures tortured my poor father to the last degree: he became distrustful and acrimonious; he began to neglect his health, caught a cold and suddenly fell ill. He didn't suffer for a long time; he passed away so unexpectedly and so suddenly that for several days we were beside ourselves with the blow [5. P. 18]. How could he torment poor mother? It used to break my heart to see her: her cheeks had become hollow, her eyes had sunk, and her complexion was consumptive. <...> My mother suffered from a debilitating disease. <...> A few days later my mother suddenly fell dangerously ill. She stayed in bed for two days, and on the third night she ran a fever and was delirious [5. P. 24].* Varenka has bitter memories about a disease and death of her friend, student Pokrovsky. Here is the same number of words: *consumptive, he took to his bed, from which he never got up again; he was seldom conscious; he was frequently in delirium; most of the time he was unconscious.* The description of the death and funeral of a young man includes a number of words and phrases that are often found in Dostoevsky's texts under study when describing similar situations: *during his last night he was frantic; he died in late autumn at the end of October; the day was sad and dreary, like the poor, slipping away life of the dying man; [the sky] was so rainy, lowering and sad; the dying man glanced at me sorrowfully and shook his head. He died a moment later; a very plain coffin was bought [5. P. 30].* Approximately the same set of associates of the word *death* also appears in Makar Devychkin's description of the death of a child in the Gorshkovs' family — his flatmates: *Today, at about five a.m., Gorshkov's youngest son died. <...> There already is a little coffin standing at their place — a simple one, but quite pretty; they bought a ready-made coffin [5. P. 34].* The description of Rodion Raskolnikov's *illness* also comprises a list of lexical units which always accompany the same episodes in Dostoevsky's literary works: *However, he was not entirely unconscious during the time of his illness; it was a feverish condition accompanied by delirium and half-consciousness [6. P. 77].*

So, the textual associative field of the word *disease* is as follows: *I feel unwell, I feel sick, she is also ill with something, I am always ill, I'm ailing, I have caught a cold and fell ill, debilitating, dangerous, consumptive, unconsciousness, half-consciousness, delirium, fever, chill, a feverish condition.*

The words associatively connected with **death** are: *died, he passed away, the poor, slipping away life of the dying man; funeral; last rites; a very plain coffin; a simple coffin.*

FAMILY is also one of the basic everyday life concepts. Describing the family world, Dostoevsky reaches an incredible, extreme psychological intensity, an exposure of feelings, controversies and conflicts. It is in family relationship where the characters of his novels manifest themselves most clearly. Family dramas, for sure, take place also in the homes of rich people. However, for Dostoevsky's poor characters, family is not only their sole refuge, but a connection of the loved ones, and a heavy burden as well. So, the reader of "Crime and Punishment" becomes witness to the everyday life of two poor families: Raskolnikov's family and Marmeladovs' family. It becomes known about the life of Raskolnikov's mother and sister, about their relationship to each other and to him, when Rodion receives a letter from his mother. In this letter and in Raskolnikov's reaction to it, we can distinguish two series of associates: the first associative field is united by a word-idiogloss LOVE; for the second, the key words are POVERTY, SUFFERING and DESPAIR. The words *a love, I love, she loves, love* are, indeed, repeated several times on two pages of the letter along with other words of this field: *I embrace you, I send you kisses, how happy I will be to press you to my heart; Dounia has told me to embrace you tightly and send you a million kisses* [6. P. 24—30]. However, the contextual use peculiarity of the idiogloss LOVE and associates connected with it is the "morbidness" of this feeling. This is not love-joy or love-happiness, but love-pain. So, having received a letter from his mother, Raskolnikov even **turned pale as he took it**. <...> **Something else suddenly made his heart ache; the letter trembled in his hands; he wanted to be left alone with this letter**. <...> **he quickly raised it to his lips and kissed it; then for a long time he peered at the address, the small and sloping handwriting of his mother, familiar and dear to him** [6. P. 24]. **Almost all the time Raskolnikov was reading, from the very beginning of the letter, his face was wet with tears; but when he finished, his face was pale, distorted with a cramp, and a grave, bilious and malevolent smile appeared on his lips**. <...> **His heart was pounding, and the thoughts were fermenting**. <...> **His mother's letter had tormented him** [6. P. 30]. The awareness of his helplessness and inability to help his mother and sister, to save his sister from humiliating marriage with Luzhin, drives Raskolnikov to desperation: *In ten years mother will lose her vision from knitting kerchiefs, maybe from weeping too; she will emaciate from fasting; and my sister? Come to think about what may happen to your sister in ten years or during ten years? Have you figured it out?*

So he tormented and teased himself with these questions, even taking pleasure in it. Anyway, all these questions were not new or sudden; they were old, painful and long-time ones. They had begun to torture him long ago and had tormented his heart [6. P. 33]. Self-sacrificing love of his sister and mother is read in each line of the letter. Here, on the one hand, there are such appeals as *my dear Rodya, my dear friend, my precious Rodya, you know how I love you; you are all we have, Dunya and I, you*

are everything for us, our only hope, our only aspiration, and on the other — a “truthful”, but tough story, wounding Rodion Raskolnikov’s soul, about misfortunes and sufferings of his dear ones, and about the decision his mother and sister had taken, wishing to save their “dear Rodya”. Having learned about the fact that Donya is going to marry a man whom she not only doesn’t love, but does not respect, Raskolnikov almost loses his mind. *Who, indeed, do you consider me to be? I don’t want your sacrifice, Dounia, I don’t want it, mother! It won’t happen while I am alive, it won’t, it won’t! I don’t accept it!* — he shouts, walking down the street.

As stated above, the second associative field, which can be reconstructed on the basis of Raskolnikov’s mother letter, is formed around the concepts of POVERTY, SUFFERING and DESPAIR. As a matter of fact, the narrative of the everyday concerns and hardships in Pulkheria Raskolnikova’s letter to her son is accompanied by such words as: *I’ve suffered, I was in despair; it was very hard for Dunechka; you can imagine her suffering; I was in despair myself; it felt so miserable inside; it was so villainous of him to torment and make unhappy a girl who was already unhappy and defenseless; you would have been very unhappy* [6. P. 24—26]. Such difficult life situation is caused by poverty, dependence on other people and the inability to help her son.

All the members of the Marmeladovs’ family feel the same. Marmeladov himself, telling the story of his life to Raskolnikov, *wanted to smile in the end, but suddenly his chin began to tremble. The tavern, the man’s depraved look, the five nights spent on the hay barges, the half-liter bottle, and at the same time this morbid love for his wife and children, bewildered his listener* [6. P. 18]. Sonechka Marmeladova is also a victim of circumstances. She sells herself to save her family from hunger and destitution. By the way, it is in the story about the Marmeladovs’ family when Dostoevsky uses this word “*destitution*”. And Marmeladov in his well-known monologue divides the two concepts — “*poverty*” and “*destitution*”, breaking down the familiar idea of them being synonyms in the reader’s mind: *Poverty is not a vice. But destitution, honoured sir, destitution is a vice* [6. P. 13]. Katerina Ivanovna — Marmeladov’s wife — is a character in which suffering is brought to its limit, to physical and mental illness. Destitution and weeping of her always hungry children, her husband’s drunkenness brings her to some kind of frenzy. But even in the most desperate situations, she tries to preserve the family’s independence and visibility of strength. Let us remember, how Katerina Ivanovna behaves when Marmeladov gets a job again.

Yearning for the family happiness, for acquisition of important people in his life drives Makar Devushkin to self-sacrifice: he gets into debt in order to help Varenka Dobroselova whom he loved like his daughter. And the sense of this girl’s presence in his life saves him from being alone in this world. *I have never spent my days in such joy before. It is as if the Lord had blessed me with a home and a family of my own! My little child, my pretty girl! <....> ... I live with a double happiness, because you live so close to me and make me so happy* [5. P. 34]. Varenka’s affection for Makar Devushkin is also obvious, but it mostly has a morbid character because she

feels awkward due to the fact that she can't do much work for health reasons, and thus be helpful in their friendship. *Cannot I see that you ruin yourself for my needs, tightening the purse strings and spending your last kopeck on me? <...> You write that you will sell the last thing you have rather than leave me in need. I believe you, my friend, I believe in your good heart... You know that I am always ill; I cannot work as you do. I am merely bonded to you with all my soul, I love you dearly and strongly, with all my heart, but — my bitter fate! — I am able only to love, and not to do good, to repay you for your kindness* [5. P. 40—41].

Thus, the concept of FAMILY in the considered texts by Dostoevsky is associatively connected with the idioglosses *love, affection, suffering* and *despair*, caused by the *poverty* of the characters.

Apart from family, WORK and BUSINESS for Dostoevsky's poor heroes is the lifeline that allows them to stay afloat, not to sink into the abyss of despair, to preserve human dignity. It is particularly pronounced in Makar Devushkin's attitude to his service: *I have been in the service for about thirty years; I have worked irreproachably, my behavior has been sober, and I have never been spotted in any anti-social conduct. <...> I am respected by the management* [5. P. 44]. Every time Varenka Dobroselova is happy when some work emerges: *Fedora has got a great deal of work both for me and herself, and we have gladly got down to work; perhaps we shall re-establish our affairs* [5. P. 50]. Raskolnikov's fellow student Razumikhin *was very poor, and supported himself resolutely on his own, alone, earning money by some sort of work. He knew a vast number of resources to earn money from, by means of work, of course* [6. P. 37—38]. On the contrary, the lack of work, business pulls the carpet from under poor people, leads to depression, illnesses and even death.

Let us now turn to the second, pragmatic dimension of the everyday life conceptual sphere of Dostoevsky's poor heroes, which was mentioned at the beginning of the article. Namely, that the concept-idiogloss POVERTY is "conjugated" in the texts of Dostoevsky with the idioglosses of SHAME; FEAR; PRIDE, THE PINCHED PRIDE AND MEEKNESS.

It should be mentioned that the words *poverty, poor* have been already described in detail in the first volume of the "Fyodor Dostoevsky's Language Dictionary", which the authors named "Idioglossary". The corresponding vocabulary entries also indicate the frequency of the mentioned idioglosses in the writer's literary texts. So, an idiogloss **poor** is found in Dostoevsky's literary works 397 times, and noun **poverty** — 76 times. In the texts we are considering, an idiogloss poverty "gathers" around it two groups of associates. First, they are words of the same root that name this social status of the characters: *poor person, poor folk, poor man, poverty, poorly*.

Secondly, these are word combinations with the meaning "a person who carries a trait "poverty": *poor student, poor folk, poor relatives, poor old man, poor young man*. Some of these word combinations have become set expressions (*poor student, poor relatives*).

However, the above mentioned couple of idioglosses are of the greatest interest. Let us consider them one by one.

POVERTY—SHAME. This couple of concepts-idioglosses, as it was mentioned before, is a significant one. All the crippled by poverty characters of Dostoevsky's literary works we are considering, are ashamed of poverty and its material manifestations. So, Makar Devushkin remarks that *it is rather shameful not to be able to afford to drink tea* [5. P. 9]; *Today I sat in front of my colleagues like a clumsy lout, like a wretch that I nearly burned with shame. I felt deeply ashamed, Varenka! Naturally one is shy when one sees one's naked elbows peeping through the sleeves and one's buttons hanging by threads,* — he confesses to his ward [5. P. 50]. Dreaming of borrowing some money from Peter Petrovich, Makar Devushkin writes to his Varenka: *I feel terrible just sitting at my desk... And His Excellency sometime passes my desk; God forbid that he would glance at me and notice that I'm unbecomingly dressed! Cleanliness and tidiness are the things that matter most to him. He might not say anything, but I would die of shame. I'm ashamed to keep on living, Varenka! <...> I'm ashamed, I'm totally ashamed* [5. P. 51] — writes Makar Devushkin to his ward.

Associate words of the concept-idiogloss **shame** comprise several groups:

The first group includes words of the same root: *shame, to be ashamed of, to be totally ashamed, I'm ashamed.*

In the second group there are lexical units which are synonyms or quasi-synonyms of the words from the first group: *shame, it's a shame, I'm ashamed, to be embarrassed, to become confused, she is timid, he is shy.*

In the third group there are words describing the external manifestations of the feeling of shame: *to blush, to sit like a clumsy lout, like a wretch.*

It can be assumed that such associative fields are characteristic of all texts in general. The peculiarity of the considered idiogloss “behavior” in Dostoevsky's literary works about poor people is that they feel ashamed because of their poverty. A multitude of contexts in which this concept is used prove this point.

POVERTY—FEAR. A peculiar extension and expansion of the concept of **shame** is a concept-idiogloss **fear**, which also forms an associative field, including diverse lexical units. However, a contextual peculiarity of this idiogloss in Dostoevsky's works is that the fear experienced by the heroes is not the fear of physical strength, this feeling is again a “moral” one: the fear of condemnation, mocking from others. For others (boss, landlady, former friends, and just random passers-by on the street) are always potential or real offenders (after all, it's so easy to offend a poor person!). Let us remember a phrase from “Crime and Punishment” already cited as an example: *Raskolnikov was up to his eyeballs in debt to his landlady and was afraid of meeting her* [6. P. 7]. Makar Devushkin is literally “bound in fear”. And he afraid that others (“His Excellency”, an imaginary “sir who is going to the restaurant”) will notice and judge his poverty: *... I cannot do without buttons; and almost half of the buttons on my lapel have*

fallen off! I tremble when I think that His Excellency may notice such disarray and say — what would he say? I, little mother, would not hear what he said, for I would die, I would die on the spot, I would just die of shame at the thought of it [5. P. 53—54]. And after reading Gogol's "The Overcoat" to this list of "others" writers are added as well: *I sometimes hide, I go into hiding, though I got nothing to be guilty of, I'm sometimes afraid to show my face anywhere, because gossip makes me tremble, because people can make a libel about anything. It will be impossible for me to make a public appearance* [5. P. 45]. Telling a sad story about how he went to see Peter Petrovich to ask for money, Makar Devushkin writes: *I pulled myself together and, hiding my sense of shame in my pocket full of holes, I went to Peter Petrovich, full of hope and more dead than alive with anticipation — both combined* [5. P. 53].

In the episode where Makar Devushkin tells Varenka how he missed the whole line when rewriting a document, and how he appeared before His Excellency for it, three concept-idioglosses — *poverty, shame and fear* — are closely intertwined, conveying the depth of the hero's experiences. *My heart began to tremble in my chest, and I don't know what I was scared of; I only know that I had never been so scared before. I sat dead at my chair. <...> I grew stiff, cold, lost all feeling; I went more dead than alive. <...> it seems to me that I didn't bow; I forgot.. I was so perplexed that my lips were trembling and my legs shaking. <...> I burned, I burned in the infernal fire! I died! <...> I shuddered, and my whole soul was shaken* [5. P. 67—68].

Thus, a couple of idioglosses **POVERTY—FEAR** brings together a number of associates, which are synonyms and context synonyms, expressed as independent words (*I was afraid, I tremble, I hide, I go into hiding, I'm shy, I'm afraid, I was so perplexed, I shuddered, I didn't make a sound, I draw in my claws, I grew stiff, I grew cold*) and set expressions as well (*come in sideways, I'm afraid to show my face anywhere; It will be impossible for me to make a public appearance; more dead than alive, I sat crouched like a hedgehog, I covered my ears; I sat dead at my chair; I burned in the infernal fire; I lost all feeling; my whole soul was shaken*).

The peculiarity of the world of Dostoevsky's poor heroes is the fact that the constant humiliating situations generates a sort of exaggerated and even morbid *pride* in them, reveals *the pinched pride*. And in texts of the two analyzed works this couple of idioglosses — **POVERTY—PRIDE, THE PINCHED PRIDE** — also carries a tremendous semantic load and forms its own powerful textual associative field. Thus, in "Poor folk" Makar Devushkin declares: *I am not a drag on anyone! I earn my crust; and though it is a plain crust, sometimes a stale one; but it's there, and it has been earned by an honest livelihood and consumed irreproachably. What is to be done? I know that my job as a copyist is a minor one; after all I am proud of it! I work in the sweat of my brow. I'm aware that I am necessary, that I am indispensable, and that one shouldn't be led astray by nonsense. Let me be a rat, since there's a resemblance. But you need this rat, this*

rat is of benefit, you hold on to this rat, this rat receives a reward — that is the kind of rat it is! [5. P. 32—33]. In another letter to Varenka we read: *I have been in the service for about thirty years; I have worked irreproachably, my behavior has been sober, and I have never been spotted in any anti-social conduct. As a citizen I consider myself, by my own perception, to have some drawbacks, but also some virtues. I am respected by the management, and even His Excellency is happy with my work* [5. P. 44]. First and foremost, Makar Devushkin needs such self-characterization in order to justify anything to himself, to maintain a sense of self-value. As he himself writes about this in another letter: *After all, one wears an overcoat and boots for the sake of others. In this case, <...> I need boots to maintain my honour and my good name; if I wear ragged boots, both of these are lost* [5. P. 52].

Dostoevsky writes about Raskolnikov: *While Raskolnikov was at the university, he had almost no friends; he was very poor and somehow arrogantly proud and unsociable* [6. P. 37].

The morbidity of pride and the pinched pride is particularly acute in Katerina Ivanovna's behavior. Marmeladov himself says about her that *she is a hot-tempered, proud and unbending lady. She washes the floor herself and eats black bread, but she won't allow other people to treat her with disrespect* [6. P. 15]. The maximum intensity of these feelings is revealed during the commemorations after the funeral of Marmeladov. As if reasoning and trying to explain to the reader why these "stupid commemorations" were organized, Dostoevsky writes: *Perhaps what had the greatest impact here was that peculiar poor man's pride, owing to which in some social ceremonies obligatory for each and everyone in our daily routine, many poor people bend over backwards and spend the last kopeck of their savings, just in order to be "no any worse than others" and "not to be judged" somehow by others. It is also very possible that Katerina Ivanovna wanted, precisely on that occasion, precisely at the moment when she seemed to have been abandoned by everyone, to show these "wretched and nasty tenants" that she knew "how to live and how to act as a hostess", but that she had been brought up for another lot, that she had been brought up in a noble, one could even say aristocratic, colonel's family. Such paroxysms of pride and vanity sometimes visit the poorest and most downtrodden people, and sometimes turn into an irritable and unstoppable need in them. Moreover, Katerina Ivanovna was not downtrodden; she could be killed by circumstances, but it was impossible to render her morally downtrodden, that is to intimidate her and to bend her to one's will* [6. P. 239]. That is Dostoevsky's explanation. And, indeed, every line of the heroine betrays her pinched pride, her desire to confirm her own dignity. The words *a noble lady, an aristocratic family, an aristocratic house, a colonel's daughter, children of noble birth*, and such words as *pride, dignity, nobility* as well, repeated many times by Katerina Ivanovna, and the reality in which they sound, expose and bring to pathos the tragedy of the heroine and her family.

However, pride and the pinched pride are sometimes combined with MEEKNESS of Dostoevsky's poor heroes, which sometimes reaches self-neglecting. So, the last couple of concepts-idioglosses which was considered in the chosen topic is **POVERTY-MEEKNESS**. The most colourful “meek” characters of the two novels are Makar Devushkina and Sonya Marmeladova. The main hero of “Poor Folk” says about himself: *I used to live the life of a hermit, calmly and quietly; I don't repine and am satisfied; I am unpretentious* [5. P. 8—9]. And in another letter we read: *I am a docile man, because I am a little man* [5. P. 32]. Having read “The Overcoat”, Makar Devushkin angrily writes to his ward: *What! I can't live calmly in my little corner after this anymore, I can't live, as the proverb has it, without muddying the water, not interfering with anyone, knowing the fear of God and not getting other people interfere with me....* [5. P. 44]. And further: *Every status that a man has in his lot is designated by the Almighty. This man is designated to wear a general's epaulets, while that one is designated to work as a titular counselor; this man is assigned to hold the reins, and that one is assigned to follow the orders without question and without complaining* [5. P. 43—44]. *I have always behaved as if I were non-existent* [5. P. 67].

Describing to Raskolnikov his daughter Sonya Marmeladoc says: *She is meek, she has such a gentle voice....* [6. P. 16]. Sonya gave the last money she had to her father so that he could take a hair of the dog and *said nothing, she only looked at me without another word... Not on earth, but up there... people are grieved for, wept over, but not blamed, not blamed!* [5. P. 19]. Passing away, Marmeadov suddenly recognized her, *humbled, crushed, dressed up and ashamed, humbly waiting her turn to say goodbye to her dying father* [6. P. 120]. And, of course, the memorable words of Raskolnikov: *Poor meek ones, with meek eyes... Dear ones! Why don't they weep? Why don't they moan? They give everything... they look meekly and gently... Sonya, Sonya! Gentle Sonya!* [6. P. 175].

The conducted analysis of the two literary texts allows us to build the everyday life concept sphere of Dostoevsky's poor heroes, including both concepts reflecting their everyday world, so to speak, in a factual way (HOUSE, FAMILY, WORK, etc.) and in a pragmatic way, revealing the feelings and experiences of poor people, transmitted by idioglosses SHAME, FEAR, PRIDE, THE PINCHED PRIDE and MEEKNESS. These two dimensions, their intersection bear a sign character, give the reader a volumetric picture of events and cause a high degree of empathy to “humiliated and insulted”.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Понятие идиоглоссы и словарь языка Достоевского // *Слово Достоевского*. 2000. Сб. статей / РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова; под ред. Ю.Н. Караулова, Е.Л. Гинзбурга. М.: Азбуковник, 2001.
2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996.
3. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание: монография. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2004.

4. Русский ассоциативный словарь. В 2-х томах. Т. 1. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин. М., 2002.
5. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание романов в двух томах. Т. 1. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2009.
6. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание романов в двух томах. Т. 2. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2009.

Reference

1. Karaulov, Y.N. (2001). The Concept of Idioglossa and Dostoevsky's Language Dictionary In: *Word of Dostoevsky. 2000. Collected Articles*, Y.N. Karaulov, E.L. Ginzburg (eds.). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
2. Lotman, Yu.M. (1996). In the Conceiving Worlds. Person—Text—Semiosphere—History. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.).
3. Chulkina, N.L. (2009). *The Everyday Life World in the Russian Language Consciousness*. Moscow. Publishing House URSS. (In Russ.).
4. *Russian Associative Dictionary. In 2 volumes*. Vol. 1. (2002). Y.N., Karaulov, G.A., Cherkasova, N.V., Ufimtseva, E.F., Tarasov, Y.A., Sorokin (eds.). Moscow: AST: ASTREL. (In Russ.).
5. Dostoevsky, F.M. (2009). The Complete Collection of Novels in Two Volumes. Vol. 1. Moscow: Publishing house "ALPHA-KNIGA". (In Russ.).
6. Dostoevsky, F.M. (2009). The Complete Collection of Novels in Two Volumes. Vol. 2. Moscow: Publishing house "ALPHA-KNIGA". (In Russ.).

Сведения об авторе:

Чулкина Нина Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: психолингвистика, лингвокультурология, лексикография; *e-mail*: chulkina-nl@rudn.ru.

Information about the author:

Nina L. Chulkina, Doctor of philology studies, Associate professor, Professor of the department of general and Russian linguistics of RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia); *Research Interests*: psycholinguistics, linguoculture, lexicography; *e-mail*: chulkina-nl@rudn.ru.